

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-4-17-37

УДК 374.7:316.334.52

Региональная специфика отношения к мигрантам (на материалах Томской и Владимирской областей)

Александра Витальевна Филькина¹, Татьяна Алексеевна Булатова²

¹ кандидат социологических наук, доцент,
Томский государственный педагогический университет (г. Томск, РФ)
Web of Science RecheacherID: AAB-5217-2020
alexandra.filkina.tspu@gmail.com

² кандидат медицинских наук, доцент,
Томский государственный педагогический университет (г. Томск, РФ)
Web of Science RecheacherID: AAB-1578-2020
bulatowa@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи — сравнительный анализ отношения к этническим мигрантам в двух регионах России: Томской и Владимирской областях. Его актуальность связана с высоким миграционным притоком иностранных граждан в различные регионы Российской Федерации. По данным ООН (2015 г.), наша страна является третьей в мире по притоку мигрантов. При этом отсутствует достоверная и сопоставимая социологическая информация как об отношении к ним со стороны местного населения, так и об определяющих его факторах. На фоне тенденции роста межнациональной напряженности в отношениях с мигрантами результаты подобных исследований приобретают важное социально-политическое значение. Статья опирается на результаты репрезентативных анкетных опросов населения Томской области в 2014 г. (n = 563) и Владимирской — в 2015 г. (n = 500) с использованием общей методики. В процессе исследования в «принимающем сообществе» были выделены группы с различным уровнем толерантности по отношению к мигрантам. В дальнейшем осуществлялось сопоставление различных групп толерантности населения в двух регионах РФ — Владимирской и Томской областях. Обнаружено, что отношение к мигрантам в регионах может различаться даже при сходных экономических условиях и в рамках однородной политической ситуации. В процессе исследования установлены значительные различия в размерах групп, демонстрирующих неодинаковые степени толерантности по отношению к мигрантам. Если в Томской области половину выборки можно отнести к группе толерантных, то во Владимирском регионе группа толерантных в процентном отношении сопоставима с группой ксенофобов. Специфична структура установок в отношении мигрантов: для Томской области более значимо различие между образовательными и трудовыми мигрантами. Полученные результаты актуализируют вопрос о факторах, дифференцирующих отношение к мигрантам в разных регионах одной страны. На основании полученных результатов выдвинута гипотеза, в соответствии с которой важное место среди этих факторов может занимать специфика локального городского социально-культурного контекста. Так, в Томске, позиционируемом как образовательный центр, имеет место больший уровень толерантности по отношению к мигрантам. Делается вывод о необходимости проведения дополнительных исследований с использованием качественных методов для проверки данной гипотезы.

Ключевые слова: этническая толерантность, факторы ксенофобии, измерение этнических установок, отношение к мигрантам.

ВВЕДЕНИЕ

Россия является третьей страной в мире по количеству иммигрантов (по оценкам ООН, 2015 г.). Как и в любых странах с большим количеством приезжих из других государств, в России остро стоит проблема интеграции мигрантов, т. е. включения приезжающих индивидов в общую для граждан России культурную, социальную и правовую среду. При этом по большинству используемых критериев (обзор европейских методик измерения эффективности процесса интеграции см. [10]) уровень успешности процесса интеграции этнических мигрантов и эффективность интеграционной политики в России довольно низки, причем если смотреть на положение дел в динамике, то оно скорее ухудшается [10, с. 424]. Н. С. Мاستикова, основываясь на исследовании базы данных Европейского социального исследования (ESS), демонстрирует, что показатель уровня межэтнической напряженности в России — один из самых высоких среди Европейских стран [7].

Российские исследователи, анализируя специфику российского контекста, осложняющего интеграционные процессы в большинстве регионов страны, среди прочих факторов указывают на высокий уровень ксенофобии в российском обществе, которая редко выливается в открытые конфликты, но распространена в латентной форме (см., например, [6, 9]). Проводившиеся в России на протяжении более чем 20 лет опросы общественного мнения фиксируют фактически неизменный (точнее, с незначительными колебаниями) высокий уровень нетерпимости по отношению к «этническим чужим» (подробный анализ социологических исследований в данной сфере см. [17]). На данный момент, как демонстрируют опросы, проведенные Левада-центром зимой 2017 г., каждый второй россиянин негативно настроен по отношению к той или иной категории трудовых мигрантов, при-

Цитирование: Филькина А. В. Региональная специфика отношения к мигрантам (на материалах Томской и Владимирской областей) / А. В. Филькина, Т. А. Булатова // *Siberian Socium*. 2019. Том 3. № 4 (10). С. 17-37.

DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-4-17-37

езжающих в Россию; особенно нетерпимо настроены жители России по отношению к трудовым мигрантам с Северного Кавказа и из Средней Азии. Две трети опрошенных поддерживают рестриктивные меры правительства России, направленные на ограничение притока приезжих [8].

В нашем исследовании предпринята попытка проанализировать отношение принимающего сообщества к мигрантам. Несмотря на то, что отношение населения к мигрантам становилось объектом множества исследований, в том числе отечественных, вопрос о факторах, дифференцирующих это отношение, в действительности остается открытым.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Теоретические подходы и опыт эмпирических исследований данной проблемы

Среди теоретических оснований, которые используются для объяснения специфики отношения к мигрантам (в частности, уровень толерантности к ним со стороны «местных») в различных социумах, а также его темпоральных изменений, наибольшим эвристическим потенциалом обладают теории угрозы, теории национализма и теории ценностей. Остановимся кратко на этих теориях (хороший их обзор в русскоязычной научной литературе дает О. А. Якимова [18]), а также на тех факторах, которые дифференцируют отношение к мигрантам.

1. *Теории угрозы* — это берущее свое начало из социальной психологии (описанное, в частности, Г. Блумером [21] и Э. Олпортом [19] представление о том, что предубеждение, которое формируется у одних социальных групп по отношению к другим, — аспект иррационального бессознательного процесса самоидентификации, при котором своя группа («ин-группа») воспринимается через оппозицию чужим «аут-группам».

- а) Первичным фактором, влияющим на формирование этнической ксенофобии, является, в соответствии с данной концепцией, присутствие в регионе некоего культурно и/или религиозно отличного от местных жителей меньшинства мигрантов, воспринимаемых как «культурная угроза». При этом беспокойство из-за этнических «других» может коррелировать, по мнению сторонников данного подхода, во-первых, с уровнем образования (чем выше уровень образования, тем меньше страхов), а во-вторых, с интенсивностью социального взаимодействия между группами мигрантов и членов принимающего сообщества [22]. Некоторые исследователи находили, что количество мигрантов и то, насколько долго они живут на данной территории, будет влиять на динамику отношения к ним: чем продолжительнее и интенсивнее взаимоотношения, тем отношение позитивнее.
- б) Другим очевидным фактором, влияющим на масштаб этнической ксенофобии в рамках теории угроз, признается экономический фактор: как реальные показатели экономической ситуации — например, объем ВВП (см. [10]), так и субъективная интерпретация жителями своего материального положения. Чем выше уровень экономической неопределенности, тем менее терпимы определенные группы людей к различного рода меньшинствам, в том числе этническим (см., например, работу В. А. Тишкова [15, с. 18]).

Среди современных европейских исследователей Л. Квиллан, отталкиваясь от блумеровского определения предубеждения как ответа на ощущение угрозы привилегиям группы, анализирует значимость обоих вышеупомянутых факторов: относительного размера популяции приезжих и уровня экономической стабильности, приходя к выводу, что если усиливается один или оба фактора, нарастает и ощущение угрозы, негативное восприятие мигрантов [33].

2. *Теории национализма.* От того, как группы людей интерпретируют свою собственную национальность, будет зависеть, в том числе, кого они будут считать «культурно чужими» и насколько открыты в целом будут для других национальных групп. С точки зрения теорий национализма, упор в государственной идеологии на идею национальной идентичности, имеющей этническую природу (в отличие от гражданской или массовой), способствует росту ксенофобных настроений [18, с. 47]). Другими словами, национальная идентичность очевидным образом зависит от конституируемой правительством страны национальной идеологии и от политического режима в стране в целом [36]. При этом, будучи социальным конструктом, национальная идентичность очень сильно привязана к историческому контексту конкретного локуса. В частности, исследователь Дэвид Бэрри [20] доказывает, что в случае с Россией этно-национальная идентичность в силу исторических причин сплавляется у абсолютного большинства этнических русских с религиозной, и актуализация «доминирующей» религиозной идентичности — православной — как аспекта национальной идентичности коррелирует с высоким уровнем ксенофобии и национальной обособленности.

Один из вариантов интерпретации структуры национальной идентичности как фактора, дифференцирующего уровень этнической толерантности, — это определение ее через категории открытости/закрытости. К. Х. О'Рурк и Р. Синнот [32] предложили различать два измерения националистических установок: «открытость»/патриотизм как таковой (предпочтение собственной страны и чувство ее превосходства над другими при невысоком уровне закрытости — «первый среди равных») и «закрытость»/шовинизм (узко понимаемое или высоко эксклюзивное чувство национальности, ориентированное на агрессивную защиту своей страны). Интересный вариант интерпретации национальной идентичности предлагают также М. Б. Рокас и С. Брюэр, используя концепт «комплексной социальной идентичности» [34]. Концепт «комплексности»

выстроен на предположении, что национальная идентичность людей имеет сложную структуру и может включать в себя несколько ин-групповых идентичностей — например, европейца и испанца, при этом чем больше составляющих у национальной идентичности, тем более люди открыты по отношению к мигрантам.

3. *Теории ценностей.* В соответствии с популярной теорией эволюции ценностей Р. Инглхарта [29], социализация индивидов в условиях безопасности ведет к формированию постматериалистических ценностей — «ценностей самовыражения», а созревание в условиях экзистенциальной незащищенности — к доминированию в структуре личности материалистических ценностей, или «ценностей выживания». Из данной теории вытекает, что прошедшие социализацию в относительно благополучный период существования общества люди более терпимы и открыты, в том числе по отношению к мигрантам, а поколения, сформировавшиеся в периоды нестабильности, будут отличаться более материалистическими ценностями и, как следствие, более высоким уровнем ксенофобии.

Сторонники теории ценностей, используя различные типологии культурных ценностей, выделяют различные группы в принимающем сообществе по критерию той системы ценностей, которой придерживаются индивиды [30].

В российских исследованиях одним из вариантов интерпретации каузальной связи между системой ценностей индивидов и их этнической терпимостью является анализ уровня доверия в обществе в качестве значимого фактора влияния на уровень толерантности, с отсылкой к концепциям П. Штомпки и Ф. Фукуямы. В. И. Мукомель и другие исследователи доказывают, что низкий уровень доверия в российском обществе в целом — как межиндивидуального, так и массового — можно рассматривать в качестве одной из причин роста ксенофобных ориентаций (см. [1, 14]).

4. Еще одним очевидным фактором, дифференцирующим отношение населения к мигрантам, считаются классические социально-демографические характеристики представителей

принимающего сообщества — возраст, образование, пол, уровень дохода и место проживания (городская или сельская местность). Часто объектом исследования становится отношение к этническим меньшинствам молодежи — школьников и студентов (например, [5]). Молодежь обычно характеризуется более высоким уровнем нетерпимости по отношению к мигрантам, причем, как показывают последние исследования, интолерантность по отношению к мигрантам и иностранным рабочим проявляется также и у современной европейской молодежи — на фоне ее более высокого, чем у предыдущих поколений, уровня терпимости к различным меньшинствам (этническим, сексуальным) (см., например, [35]).

Некоторые исследователи отрицают значимость социально-демографических факторов, например, Л. Гарсиа-Фарольди [24] полагает, что даже уровень образования не напрямую влияет на уровень толерантности, а в связи с теми ценностями, которые разделяют более высокообразованные люди.

5. Наконец, отношение к мигрантам дифференцировано самими категориями мигрантов. Было обнаружено, например, что отношение к приезжим разного уровня образования и профессионального статуса выстраивается по-разному, а также в зависимости от того, планирует ли мигрант вернуться в свою страну или остаться в стране пребывания. Тогда как наличие или отсутствие семьи, страна исхода и внешние особенности фактически не влияют на установки по отношению к мигрантам (см. [35]).

В большинстве исследований, вне зависимости от теоретической позиции, специфика установок в отношении мигрантов анализируется посредством выделения групп по критерию их различного материального положения (объективного/ субъективного), различий в интерпретации своей национальной идентичности, в системе ценностей, а также через призму группообразующих социально-демографических характеристик. Как правило, для этих целей используется большая выборка по стране или группе стран. Логика нашего исследования была такова: мы сравниваем

непосредственный общий уровень толерантности, а также системы установок в отношении мигрантов в двух регионах России, более или менее однородных в плане материального положения жителей, структуры миграционных потоков, политической ситуации (которую, предположительно, можно привязать к исторически сложившимся условиям внутри региона, но которую вполне можно считать условно однородной в периферийных регионах России). Гипотетически отношение к мигрантам в двух сходных периферийных регионах страны должно было быть также однородным. Таким образом, мы сфокусировались на проверке следующей гипотезы: в двух регионах России, характеризующихся сопоставимым уровнем объективного материального положения (средний уровень зарплат) и субъективной удовлетворенности этим материальным положением (о которых можно судить из ответов на вопросы анкеты, а также демографических данных по регионам), а также находящихся в едином пространстве политической ситуации, уровень толерантности и структура установок населения по отношению к мигрантам должны совпадать или отличаться незначительно.

Задачи исследования и специфика регионов, ставших объектами исследования

Объектом нашего исследования стало «принимающее сообщество», а двумя основными задачами — выделение в «принимающем сообществе» групп с различным уровнем толерантности по отношению к мигрантам и последующее сопоставление различных групп толерантности населения в двух регионах РФ — Владимирской и Томской областях. Уровень толерантности фиксировался через установки, которые разделяют или не разделяют респонденты в отношении мигрантов. В проводившемся в Томске исследовании была использована та же методика, что и в исследовании, проведенном во Владимирской области в 2014 г.: опрос методом анкетирования по квотной выборке, представляющей население региона по демографическим показателям (пол, возраст, место жительства, образование); использовался один и тот же опросник. Опрос во Владимирской области

($n = 563$) проводился в областном центре, в городах Коврове, Муроме, Гусь-Хрустальном, ЗАТО г. Радужный, в Вязниковском, Гусь-Хрустальном, Камешковском, Кольчугинском, Муромском, Петушинском, Собинском, Судогодском, Суздальском районах. В том числе 271 человек — в областном центре, в малых и средних городах — 204 человека, в сельской местности — 88 человек. Мужчины составили 44% выборки, женщины — 56%. Средний возраст респондентов — 37 лет. Русские составили 92% выборки, оставшиеся 8% — азербайджанцы, армяне, башкиры, езиды, татары, узбеки, украинцы [12, с. 6].

В Томской области была сделана квотная выборка в размере 500 человек. Опрос проводился в областном центре (Томске — 76% респондентов), в сельской местности (20%) в п. Молодёжном, Нижний Склад, Копылово, Ключи, с. Бакчар, Моряковка, в малых городах региона (4%) — Стрежевом, Северске. Мужчины составили 46% выборки, женщины — 54%. 81% респондентов — русские, оставшиеся 19% — татары, украинцы, азербайджанцы, башкиры, алтайцы, армяне.

Сопоставление данных по двум регионам дало возможность провести сравнительный анализ различных форм отношения к мигрантам, фиксируемых у их жителей.

В Томской области (численность населения в 2017 г. равна 1 078,3 тыс. чел.) демографическая ситуация такова, что на протяжении 2000-х гг. миграционный прирост в регионе компенсировал естественную убыль населения или малый естественный прирост. С 2015 г. обозначился резкий спад в миграционном приросте: в 2017-м впервые, начиная с 2005 г., число выбывших из региона превысило число прибывших в регион (см. таблицу 1).

Большой процент мигрантов составляют выходцы из стран СНГ, приезжающие на заработки, в том числе сезонные. Другой поток мигрантов в регионе — это студенты из Казахстана и Средней Азии, при этом миграционный прирост наблюдается исключительно в Томске, в малых городах и в деревнях имеет место отток населения.

Владимирская область (численность населения на 2017 г. 1 378,3 тыс. чел.) менее привлека-

тельна для мигрантов: в отличие от Томской области, здесь на протяжении последних десяти лет статистические данные фиксируют миграционную убыль населения (см. таблицу 1). Население мигрирует в основном в соседние регионы Центрального федерального округа с более привлекательной экономической ситуацией. Среди мигрантов преобладают выходцы с Украины, из Таджикистана и Узбекистана.

Экономическая ситуация внутри регионов отличается незначительно: несмотря на разницу в географическом положении, оба региона можно отнести к периферийным, с невысоким уровнем доходов населения (таблица 2). Так, по данным Росстата, 14,6% жителей Владимирской области и 17,3% населения Томской области имеют доходы ниже прожиточного минимума.

Области имеют также сравнительно одинаковые бюджеты. Так, доходы бюджета Владимирской области составили на 2018 г. 57,348 млрд руб., а доходы бюджета Томской области 58,518 млрд руб. Трансферты из федерального бюджета в этом же году составили Владимирской области 5,579 млрд руб., Томской области — 4,154 млрд руб., то есть обе области являются дотационными.

Кардинальное отличие экономической ситуации в Томской области заключается в том, что она является газодобывающим регионом. Благодаря тому, что в Томской области значительный вклад в ВРП вносит добыча полезных ископаемых (27,6% от ВВП в 2017 г.), по объему производимого ВРП Томская область находится на 22-м месте из 85 субъектов РФ, а Владимирская область, лишенная этого источника доходов, — на 53-м.

При этом необходимо отметить, что средняя заработная плата в Томской области выше, чем во Владимирской (37 518 и 26 975 руб. соответственно) за счет высоких доходов населения, занятых в нефтегазовой отрасли. Среднемесячная номинальная зарплата в сфере добычи полезных ископаемых более чем в 2 раза превышает среднюю заработную плату в регионе, и в 2017 г. она составила 80 344 руб., при этом в данной отрасли занято 2,4% населения области [16, с. 21].

Уровень безработицы, по данным 2016 г., в Томской области на 1,6% выше, чем во Владимирской (в Томской области 7,2%, во Владимирской 5,6%).

Полученные в нашем исследовании данные характеризуют социальное самочувствие жителей Томской области (в контексте показателя удовлетворенности жизнью) как достаточно

Таблица 1. Данные по населению и миграционному приросту/убыли населения в Томской (ТО) и Владимирской (ВО) областях

Table 1. Data on population and migration growth / population decline in the Tomsk (TO) and Vladimir (BO) Regions

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Численность населения, тыс. чел. (ВО)	1 413,3	1 405,6	1 397,1	1 389,5	1 378,3
Численность населения, тыс. чел. (ТО)	1 064,2	1 070,1	1 074,5	1 076,8	1 078,3
Естественный прирост, убыль (–) населения на 1 000 человек населения (ВО)	–5,6	–5,4	–4,9	–5,3	–6,1
Естественный прирост, убыль (–) населения на 1 000 человек населения (ТО)	2,1	2,0	2,1	1,8	0,5
Миграционный прирост, убыль (–) населения на 1 000 человек населения (ВО)	–3,5	–1,3	–11,0	–2,0	–20,6
Миграционный прирост, убыль (–) населения на 1 000 человек населения (ТО)	3,5	2,1	0,1	0,2	–1,1
Миграционный прирост, убыль (–), к-во чел. (ВО)	–502	–177	–1 542	–276	–2 853
Миграционный прирост, убыль (–), к-во чел. (ТО)	3 716	2 263	108	196	–1 135

Источники: [3, с. 30, 33; 16, с. 12, 15, 16].

Sources: [3, pp. 30, 33; 16, pp. 12, 15, 16].

Таблица 2. Показатели, характеризующие экономическую ситуацию в Томской (ТО) и Владимирской (ВО) областях

Table 2. Indices of the economic situation in the Tomsk (TO) and Vladimir (VO) Regions

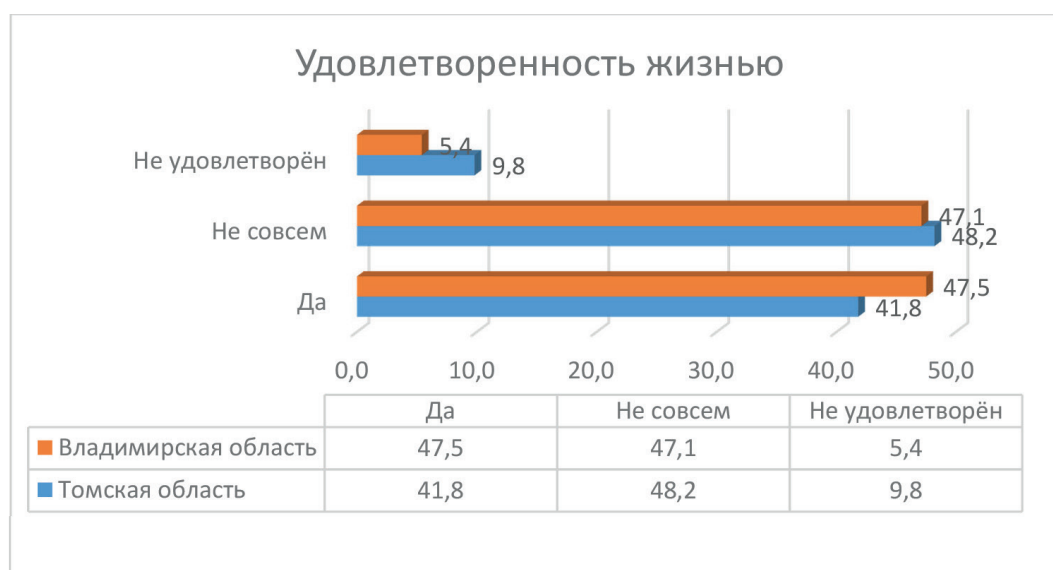
Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Валовой региональный продукт в текущих основных ценах, млн руб. (ВО)	306 641,4	328 064,2	368 489,2	393 775,1	415 569,1
Валовой региональный продукт на душу населения, руб. (ВО)	216 320,8	232 757,6	262 945,5	282 603,6	300 273,6
Валовой региональный продукт, млн руб. (ТО)	402 562,1	430 266,8	471 456,7	480 156,3	511 025,1
Валовой региональный продукт на душу населения, руб. (ТО)	377 218,0	401 259,7	438 316,5	445 485,9	473 792,2
Среднедушевой доход населения, руб. (ВО)	18 796,4	20 569,3	23 729,2	22 865,8	23 988,5
Среднедушевой доход населения, руб. (ТО)	20 429,5	21 548,7	24 845,6	24 326,2	24 457,5
Среднедушевой доход населения, руб. (РФ)	25 928,2	27 767	30 467	24 615	31 422
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб. (ВО)	20 927	22 581	23 877	25 135	26 975
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб. (ТО)	29 814	32 042	34 041	36 032	37 518
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб. (РФ)	29 792	32 495	34 030	36 709	39 167

Источники: [3, с. 54, 91; 13, с. 125; 16, с. 20, 21, 34].

Sources: [3, pp. 54, 91; 13, p. 125; 16, pp. 20, 21, 34].

Рис. 1. Данные по удовлетворенности жизнью в Томской области (исследование 2017 г.) и во Владимирской области (исследование 2014 г.)

Fig. 1. Data on life satisfaction in the Tomsk (2017) and Vladimir (2014) Regions

благополучное и вполне сопоставимое с тем, как его оценили жители Владимирской области в 2014 г. (исследование с использованием аналогичного инструментария в сентябре-декабре 2014 г. во Владимирской области). На диаграмме на рис. 1 видно, что у томичей на 5 процентных пунктов меньше удовлетворенных жизнью и на 5 процентных пунктов больше неудовлетворенных, но в целом распределения ответов весьма близки.

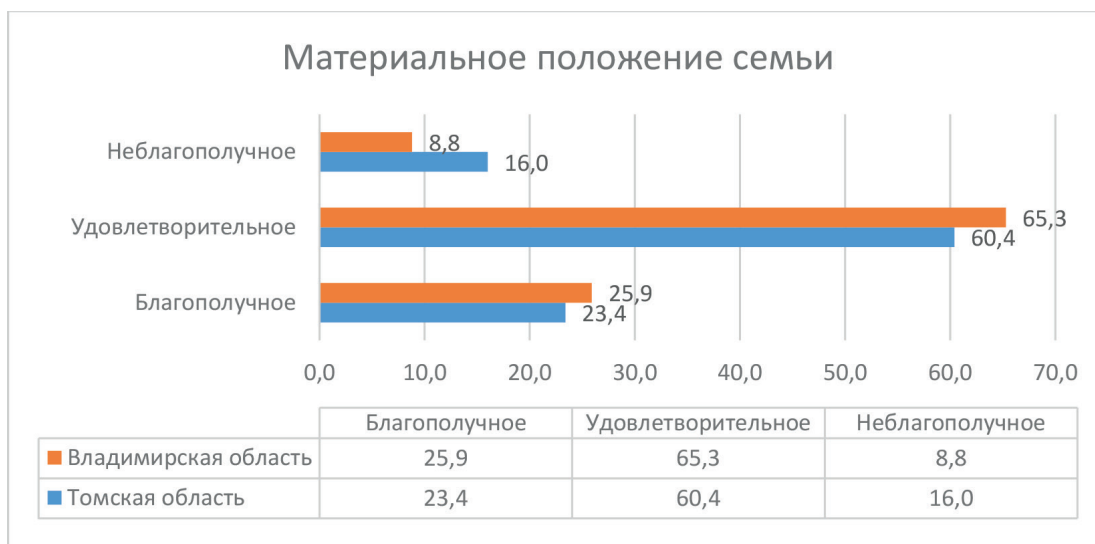
В оценке материального положения семьи (рис. 2) владимирцы немного более оптимистичны, чем жители Томской области: 16% томичей оценили свое материальное положение как неблагоприятное в противовес 9% владимирцев, выбравших аналогичный ответ в 2014 г. 60,4% опрошенных жителей Томска и 65,3% — жителей Владимира оценивают собственное материальное положение как удовлетворительное, а соответственно 23,4 и 25,9% — как благополучное. Таким образом, удовлетворенность жизнью и оценка материального положения своей семьи у владимирцев в целом несколько выше, чем у томичей. По-видимому, следует учитывать, что в

Томском регионе опрос проводился уже после введения экономических санкций, а во Владимирской области — до резкого снижения курса рубля по отношению к доллару и евро и ухудшения экономической ситуации, что и могло привести к более низким показателям удовлетворенностью жизнью и более пессимистической оценке материального положения своей семьи у томичей.

Одним из различий между регионами можно считать неодинаковое их позиционирование в культурном пространстве. Томск претендует на статус научного и образовательного центра, тогда как во Владимирской области сосредоточено большое количество исторических памятников. Если сравнивать количественные показатели, то во Владимирской области три научных/образовательных организации высшего образования, тогда как в Томской — 8 [3, с. 70,76]. Во Владимирской приходится 222 студента на 10 000 населения, в Томской — 554 [16; 29]. Во Владимирской области численность профессорско-преподавательского состава 1 423 чел., в Томской области — 4 398 чел.

Рис. 2. Данные по оценке материального положения жителями Томской области (исследование 2017 г.) и жителями Владимирской области (исследование 2014 г.)

Fig. 2. Data on the residents' evaluation of financial situation in the Tomsk (2017) and Vladimir (2014) Regions

**Признаки ксенофобии и толерантности
в ориентациях жителей
Владимирской и Томской областей**

Анкета была сконструирована таким образом, чтобы варианты ответов на определенные вопросы служили маркерами терпимого или нетерпимого отношения респондентов к мигрантам. Респонденты должны были определить в нескольких парах противоположных по смыслу высказываний то, с которым они согласны, и то, с которым не согласны. В таблице 3 (использовались биполярные шкалы) указаны процентные доли респондентов, выбравших

различные варианты ответов, даны сводные результаты по Томской и Владимирской областям, в остатки до 100% входили промежуточные ответы.

Как показано в таблице 3, жители Томской области проявляют более терпимое отношение к мигрантам, по сравнению с жителями Владимирской области. Респонденты из Томской области чаще отмечают позитивность многонационального состава России, поддерживают межнациональные браки, а также не видят зависимости между патриотизмом человека и его национальной принадлежностью.

Таблица 3. Соотношение респондентов, выбравших ответы, характеризующие терпимое или нетерпимое отношение к проблеме межнациональных отношений в Томской и Владимирской областях (данные по Владимирской области взяты из [12, с. 107])

Table 3. Ratio of respondents who chose answers characterizing a tolerant or intolerant attitude to the problem of interethnic relations in the Tomsk and Vladimir Regions (for the Vladimir Region, the data were taken from [12, p. 107])

Показатели терпимости, % выбравших			Показатели нетерпимости, % выбравших		
варианты ответов	в Томской области	во Влади- мирской области	в Томской области	во Влади- мирской области	варианты ответов
1	2	3	4	5	6
В многонациональности РФ больше положительного — разные народы обогащают друг друга	50,6	25,6	9,8	15,9	В многонациональности РФ больше отрицательного — одни народы живут за счет других
Не видят ничего плохого в межнациональных браках	66,6	49,0	11,2	16,0	Брак следует заключать только с представителем своей национальности
Считают, что патриотом России может быть любой человек, вне зависимости от этнической принадлежности	68,8	47,1	10,6	37,7	Считают, что патриотом России может быть только русский
Не готовы участвовать в акциях националистического характера	81,0	71,3	7,0	7,2	Готовы участвовать в акциях националистического характера
Имеют среди друзей и знакомых лиц других национальностей	88,2	77,9	9,6	22,7	Не имеют среди друзей и знакомых лиц других национальностей
Не испытывают трудностей в общении с лицами других национальностей	74,2	52,4	0,6	9,8	Испытывают постоянные трудности в общении с лицами других национальностей или стараются избежать любого общения с ними

Окончание таблицы 3			Table 3 (end)		
1	2	3	4	5	6
Готовы работать вместе с людьми других национальностей	46,2	40,3	10,0	18,9	Не готовы работать вместе с людьми других национальностей
Готовы работать под руководством людей других национальностей	45,2	26,6	29,0	45,2	Не готовы работать под руководством людей других национальностей
Нанимали мигрантов	26,2	28,2	33,2	33,5	Не допускают возможности нанять мигрантов
Считают необходимым привлекать еще больше мигрантов, так как нам не хватает рабочей силы	3,8	3,4	21,2	35,1	Считают необходимым полностью ограничить приток мигрантов и по возможности избавиться от тех, которые уже приехали
Мигранты — это совершенно нормальное явление в современном глобальном мире	69,2	36,4	6,2	16,6	Мигранты — это угроза для местного населения, которую надо искоренять

Результаты факторного анализа

С целью определения латентных переменных, выражающих обобщенное отношение респондентов к мигрантам, в отличие от их вербальных оценок, был проведен факторный анализ (методом главных компонент с использованием пакета прикладных программ SPSS). Для удобства дальнейшего описания индикаторы условно можно разделить на блоки:

- отношение к мигрантам в целом (вопросы оценки межнациональных браков, принятия или неприятия «мигрантов вообще», дружеских и профессиональных отношений с приезжими, готовности к совместной работе, значимости межэтнических и межконфессиональных конфликтов, отношения к националистической риторике в политике и возможным акциям националистического характера);
- отношение к трудовым мигрантам из республик Средней Азии, Китая и Кавказа, иностранным студентам (касающееся как качества их работы, так и оценки их культурного уровня, законопослушности, враждебности).

Используя критерий Кайзера, мы отобрали 11 факторов, имеющих собственное значение выше 1 и покрывающих 68% факторного поля. В то же время метод «каменистый осыпи» по-

зволил использовать для анализа лишь 3 первых фактора, содержащих наиболее целостные и непротиворечивые наборы характеристик (рис. 3). С четвертого фактора и далее наборы характеристик становятся всё более противоречивыми, факторные веса отдельных переменных уменьшаются и всё большее количество компонент имеет незначительные веса.

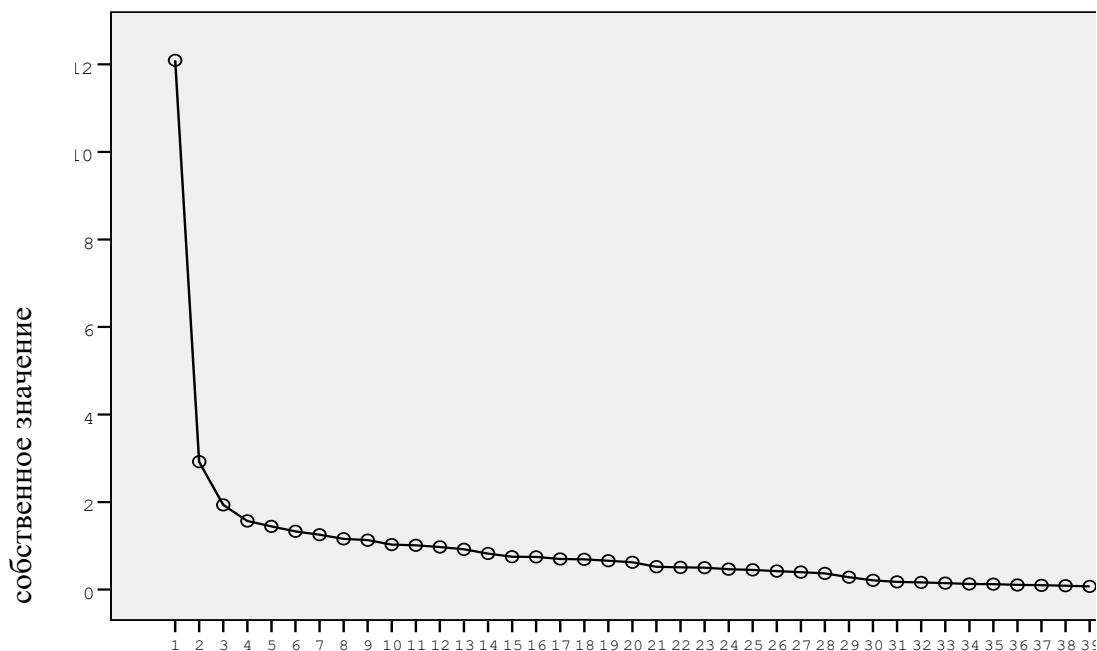
Отобранные факторы покрывают 43,4% дисперсии (из них первый — 31%, второй — 7,48%, третий — 4,9%). В аналогичном исследовании, проводившемся Д. И. Петросяном во Владимирской области на такой же анкете, также были выделены три фактора [12, с. 109-110], но со значительно меньшей долей объясненной дисперсии (29,2% — наибольшие различия приходятся на первый фактор: 16,7% во Владимирской по сравнению с 31,0% в Томской области).

В итоге на основе анализа выборки по Томской области мы выделили три основных фактора:

- 1) «базовая толерантность» — набор установок, соответствующих максимально терпимой, толерантной позиции в отношении мигрантов в целом;
- 2) «избирательная толерантность», демонстрирующая дифференцированное отношение к мигрантам: высокую степень терпимости по отношению к образователь-

Рис. 3. График применения метода «каменистой осыпи»

Fig. 3. The diagram of using the scree test plot

ным мигрантам и нетерпимость по отношению к мигрантам-рабочим из Средней Азии, сопровождающаяся убеждением в необходимости ограничить приток любых мигрантов в страну;

- 3) «декларативная толерантность» — демонстрация внешнего абсолютного приятия факта присутствия мигрантов в жизни страны и расположения по отношению к мигрантам в целом, и вместе с тем отчетливо негативное отношение к мигрантам-рабочим из Средней Азии как представителям социально чуждой группы — неквалифицированной и не уважающей местные культуру и веру.

Ниже приведены все маркеры толерантности и интолерантности по вышеназванным трем факторам.

Первый фактор — «Базовая толерантность». Ниже приведены переменные, входящие в первый фактор, ранжированные по факторным нагрузкам этих переменных (по убыванию).

Маркеры толерантности:

- Отсутствие тревоги и настороженности из-за внешнего вида трудовых мигрантов — 0,774.
- Убеждение, что мигранты ведут себя в рамках приличий, хотят изучать нашу культуру и стараются не навязывать свою — 0,760.
- Убеждение, что верования мигрантов-мусульман не становятся поводом для религиозных конфликтов — 0,755.
- Убеждение, что иностранные студенты относятся с уважением к нашей культуре и языку, хотя и придерживаются прежде всего своих традиций — 0,750.
- Убеждение, что иностранные студенты в большинстве своем нормальные, дружелюбные люди, старающиеся не совершать правонарушений и соблюдать законы — 0,724.
- Убеждение, что среди иностранных студентов немало вполне образованных людей с высокой мотивацией и интеллектуальными запросами — 0,721.

- Убеждение, что иностранные студенты в основном учатся хорошо, стараются получить качественное образование — 0,719.
 - Убеждение, что мигранты законопослушны и не влияют на уровень преступности — 0,706.
 - Убеждение, что мигранты работают на совесть — 0,590.
 - Убеждение, что мигранты не отнимают рабочие места у местных, а занимают невостребованные местным населением позиции — 0,583.
 - Убеждение, что за счет платы иностранных студентов вузы поддерживают свое функционирование и предоставляют бюджетные места россиянам — 0,477.
 - Несогласие со стереотипом о низкой квалификации трудовых мигрантов — 0,462.
 - Одобрительное отношение к студентам из республик Средней Азии, Китая и Кавказа — 0,438.
 - Одобрительное отношение к трудовым мигрантам из республик Средней Азии, Китая и Кавказа — 0,358.
 - Положительное отношение к бракам между людьми разных национальностей — 0,295.
 - Готовность работать вместе с представителями других национальностей — 0,292.
 - Готовность работать под руководством представителей других национальностей — 0,254.
 - Положительное отношение к притоку трудовых мигрантов — 0,254.
 - Положительное отношение к найму мигрантов из республик Средней Азии, Китая или Кавказа для выполнения каких-либо работ (и результатам их работы) — 0,223.
 - В том, что Россия является многонациональной страной, больше положительно — 0,206.
 - Наличие друзей или знакомых других национальностей — 0,202.
 - Отрицание трудностей в общении с людьми других национальностей — 0,180.
 - Убежденность, что патриотом России может быть представитель любой национальности — 0,179.
 - Осуждение националистических призывов в публичной политике — 0,169.
 - Одобрение притока образовательных мигрантов — 0,168.
 - Нежелание лично участвовать в акциях, имеющих националистический характер — 0,149.
- Второй фактор — «Избирательная толерантность». Неприятие мигрантов и нежелание с ними взаимодействовать сочетается с положительной оценкой иностранных студентов. Также в данный фактор с достаточно высоким факторным весом (0,463) входит убежденность в том, что на территории Томской области существуют межнациональные конфликты. Ниже приведены переменные, входящие во второй фактор (с их факторной нагрузкой).
- Маркеры толерантности во втором факторе:
- Убеждение, что среди иностранных студентов немало вполне образованных людей с высокой мотивацией и интеллектуальными запросами — 0,309.
 - Убеждение, что иностранные студенты в основном учатся хорошо, стараются получить качественное образование — 0,241.
 - Убеждение, что иностранные студенты относятся с уважением к нашей культуре и языку, хотя и придерживаются прежде всего своих традиций — 0,206.
 - Убеждение, что иностранные студенты в большинстве своем нормальные, дружелюбные люди, старающиеся не совершать правонарушений и соблюдать законы — 0,188.
- Маркеры ксенофобии во втором факторе:
- Убеждение, что региональные власти должны ограничить приток трудовых мигрантов — 0,598.
 - Восприятие иностранных студентов из республик Средней Азии, Китая и Кавказа как угрозы и нежелательного элемента — 0,573.

- Убеждение, что региональные власти должны ограничить приток образовательных мигрантов — 0,564.
- Негативное отношение к бракам между людьми разных национальностей — 0,528.
- Убеждение, что настоящим патриотом России может быть только русский — 0,391.
- Убеждение в том, что в многонациональности России больше отрицательного, чем положительного — 0,351.
- Трудности в общении с людьми других национальностей — 0,342.
- Готовность лично участвовать в акциях, имеющих националистический характер — 0,224.
- Одобрение политиков, в своих призывах или действиях публично демонстрирующих поддержку какой-то одной национальности, если это соответствует их политической позиции — 0,265.
- Нежелание работать под руководством представителей других национальностей — 0,207.
- Негативное отношение к найму мигрантов из республик Средней Азии, Китая или Кавказа для выполнения каких-либо работ — 0,126.
- Отсутствие друзей других национальностей — 0,109.
- Положительное отношение к найму мигрантов из республик Средней Азии, Китая или Кавказа для выполнения каких-либо работ (и результатам их работы) — 0,312.
- Наличие друзей или знакомых лиц других национальностей — 0,306.
- Одобрение притока образовательных мигрантов — 0,265.
- Убеждение, что иностранные студенты в большинстве своем нормальные, дружелюбные люди, старающиеся не совершать правонарушений и соблюдать законы — 0,262.
- Убеждение, что среди иностранных студентов немало вполне образованных людей с высокой мотивацией и интеллектуальными запросами — 0,177.
- Убеждение в том, что в многонациональности России больше положительного, чем отрицательного — 0,155.
- Положительное отношение к притоку трудовых мигрантов — 0,148.
- Убеждение, что мигранты не отнимают рабочие места у местных, а занимают невостребованные местным населением позиции — 0,135.
- Положительное отношение к бракам между людьми разных национальностей — 0,115.
- Убеждение, что иностранные студенты в основном учатся хорошо, стараются получить качественное образование — 0,101.
- Нежелание лично участвовать в акциях, имеющих националистический характер — 0,101.

Третий фактор — «Декларативная толерантность» — сочетает положительное отношение к трудовым и образовательным мигрантам, готовность работать вместе с ними и под их началом с убеждением, что мигранты малообразованны и неквалифицированы, работают плохо и ведут себя вызывающе, не уважают веру местного населения. То есть мигранты хороши в теории, но на практике с ними неприятно иметь дело. Ниже приведены переменные, входящие в третий фактор (с их факторной нагрузкой).

Маркеры толерантности в третьем факторе:

- Готовность работать вместе с представителями других национальностей — 0,458.
- Готовность работать под руководством представителей других национальностей — 0,315.
- Маркеры ксенофобии в третьем факторе:
 - Убеждение, что на заработки в основном приезжают малообразованные и неквалифицированные люди — 0,557.
 - Убеждение, что мигранты ведут себя вызывающе, не уважают и не хотят изучать нашу культуру, стараются навязать свою — 0,243.
 - Трудности в общении с людьми других национальностей — 0,198.
 - Убеждение, что мигранты в основном работают плохо, некачественно, а наши выполнили бы ту же работу лучше — 0,173.

- Ощущение тревоги и настороженности от внешнего вида мигрантов (сразу видно, что они не наши, чужие) — 0,138.
- Убеждение, что мигранты-мусульмане открыто не уважают православную веру местного населения — 0,125.

Данная картина отличается от результатов факторного анализа, полученного на основании данных по Владимирской области. Д. И. Петросяном отобраны три фактора: «первый фактор, покрывающий 16,7% факторного поля во Владимирском исследовании, объединяет фактически все характеристики, соответствующие крайней форме ксенофобии» [12, с. 111]. «Второй фактор объединяет характеристики, которые, по мнению Петросяна, позволяют назвать соответствующих им жителей области умеренными ксенофобами, отличающимися терпимым отношением к мигрантам, но испытывающими проблемы в сфере личных отношений с людьми других национальностей и в целом негативно воспринимающими многонациональный характер РФ» [12, с. 112]. «Третий фактор во Владимирском исследовании объединяет переменные, которые в сумме характеризуют тип жителей области, который может быть назван умеренно толерантным в общих вопросах межнациональных отношений, но с весьма противоречивым отношением к мигрантам» [12, с. 113].

Основное отличие результатов факторного анализа, осуществленного на данных, собранных в двух областях — Томской и Владимирской, — заключается в том, что в первой из них отсутствует фактор, наиболее значимый во второй (который характеризует показатели, описывающие крайнюю форму ксенофобии). Напротив, наиболее мощный фактор в Томском исследовании — фактор убежденной толерантности, покрывающий 12% факторного поля, — во Владимирском исследовании не представлен. Д. И. Петросян подчеркивает, что «„толеранты“ не отличаются такой внутренней ценностной убежденностью и последовательностью», как ксенофобы [12, с. 117], но томские данные, наоборот, фиксируют наличие позиции убежденной толерантности и отсутствие крайней формы интолерантности.

Другим существенным отличием является присутствие в Томской области специфической дифференцированной формы толерантности/интолерантности, когда на фоне ярко выраженного негативного отношения к мигрантам иностранные студенты оцениваются как явление положительное (фактор избирательной толерантности).

Вышеназванные различия, заметные при сопоставлении данных факторного анализа в двух различных городах России, наглядно демонстрируют, насколько неоднородным является отношение к мигрантам в различных регионах страны.

Результаты кластерного анализа

Кластеризация методом К-средних позволяет выбрать желаемое количество кластеров. После ряда экспериментов и проведения разведочного анализа методами иерархической кластеризации было принято в качестве оптимального количество кластеров, равное трем. Использование меньшего количества кластеров возможно (разведочный анализ с использованием методов иерархической кластеризации дошел до двух кластеров прежде, чем отработали критерии остановки), однако сильно ограничивает детализацию результатов, буквально разделяя выборку на варианты «в среднем более толерантных» и «в среднем менее толерантных». Три кластера всё же позволяют изучить ситуацию более детально. При требовании поиска четырех и более кластеров данный метод выдает группы, демонстрирующие всё возрастающее сходство между собой, при этом выделение новых кластеров будет происходить по большей мере за счет дифференциации и измерения границ более толерантных кластеров, при сохранении основной части представителей «националистического» кластера в прежних границах. При этом количество наблюдений, не входящих ни в одну из групп, остается практически неизменным и составляет порядка 13%. Три выделенных нами на данных по Томской области кластера мы условно обозначили как «толерантные», «умеренно толерантные» и «умеренные ксенофобы».

Группа 1 — «толерантные» — составляет половину (49,4%) всей выборки. Это достаточно однородная группа респондентов, на подавляю-

щее большинство вопросов (80-90%) ее представители дали ответы наиболее доброжелательные и позитивные по отношению к представителям других национальностей, поэтому проще перечислить вопросы, в которых представители данной группы не были столь единодушны. В-первых, хотя представители данной группы в большинстве своем и не отрицают возможности наличия в Томской области этнических конфликтов, они расходятся в их оценке: на вопрос «Как Вы думаете, существуют ли сегодня межнациональные конфликты на территории Томской области?» 25,1% выбрали вариант «да, но в скрытой форме», 23,1% — «да, но они не носят серьезного характера», «да, они явно существуют» — 6,9%. 15% полагают, что конфликтов нет, но угроза существует, а 30% считают, что этнических конфликтов не существует — даже как реальной угрозы. Во-вторых, «толерантные» совершенно по-разному воспринимают трудовых мигрантов: 42% сочли справедливым утверждение «К нам на заработки в основном приезжают малообразованные и неквалифицированные люди», 57,9% с ним не согласились.

Вообще нужно отметить, что, несмотря на проявленную толерантность в большинстве ключевых вопросов, представители данного кластера достаточно невысоко оценивают навыки приезжих из республик Средней Азии, Китая и Кавказа.

Группа 2 — «умеренно толерантные» — составляет 15% выборки и выглядит достаточно противоречиво. Ее члены положительно оценивают многонациональность и мультикультурализм (в вопросе «В том, что Россия является многонациональной страной, больше положительного или отрицательного?» 65,3% опрошенных уверены в том, что это безусловно положительное явление, против 59,5% в кластере «толерантных»), 86,7% отрицают наличие в Томской области каких бы то ни было этнических конфликтов (из них 69,3% не видят даже подобной угрозы), не имеют трудностей в общении с иностранцами, не одобряют националистические призывы в политике, не испытывают негатива к трудовым и образовательным мигрантам как таковым, однако показывают негативное отношение к студентам и трудовым

мигрантам из республик Средней Азии, Китая и Кавказа — доля негативных суждений в этих вопросах стабильно держится в диапазоне 60-80%.

Группа 3 — «умеренные националисты» — составляет 22,6% выборки. В этой группе наиболее сильно проявлено убеждение, что в Томской области в той или иной степени имеют место этнические конфликты — «Да, они явно существуют», «Да, но в скрытой форме» и «Да, но они не носят серьезного характера» ответили в общей сложности 99,1% представителей этой группы. 19,5% представителей этой группы готовы к личному участию в националистических выступлениях, еще 15% затрудняются с ответом. Эта группа демонстрирует худшее отношение к межэтническим бракам, в ней более популярны идеи сокращения численности приезжих студентов и трудовых мигрантов. Однако охарактеризовать эту группу как ярких ксенофобов достаточно затруднительно, а в отношении мигрантов из республик Средней Азии, Китая и Кавказа ее представители и вовсе куда более сдержаны, чем респонденты, вошедшие во вторую группу.

Достаточно любопытным выглядит сравнение второй и третьей групп. Второй кластер демонстрирует толерантность и некоторый идеализм в общих вопросах, но нетерпимость к отдельной категории мигрантов (из Средней Азии, Китая и Кавказа). Третий же кластер, при значительно большей популярности ксенофобских настроений в общих вопросах, куда более умерен в частностях и отношении к конкретным этническим группам. При этом различие в отношении к мигрантам нельзя привязать к наличию или отсутствию непосредственных контактов с мигрантами, поскольку друзья и знакомые разных национальностей имеются у респондентов из всех групп.

Сравнивая результаты кластерного анализа с теми, что получились во владимирском исследовании, как и в случае с факторным анализом, мы обнаружили значительные различия. Д. И. Петросян во владимирском исследовании остановился на выделении четырех кластеров: «толерантные» (30,1% выборки), «ксенофобы» (21,4%), «умеренно нетерпимые» (19,3%), «умеренно

терпимые» (29,2%) [12, с. 122]. В нашем исследовании кластер убежденных «ксенофобов» отсутствует, а кластер «толерантных» оказался больше на 20% (и составил 49,4% от выборки).

ВЫВОДЫ

Мы провели сравнение отношения к мигрантам в двух регионах Российской Федерации, характеризующихся примерно одинаковым уровнем материального благополучия. При этом были обнаружены очевидные различия в уровне терпимости жителей данных регионов по отношению к мигрантам, отличаются и профили мировоззренческих установок при аналитическом выделении групп населения в зависимости от степени их толерантности. На основании полученных данных можно сделать следующие выводы:

1. Принимающее сообщество в рамках одного государства неоднородно в отношении к этническим мигрантам. Различие по этому показателю между крупными городами — Москвой и Санкт-Петербургом — более очевидно и более объяснимо, например, по причине того, что в них процент мигрантов выше, выше и конкуренция за рабочие места. В нашем исследовании мы продемонстрировали, что отношение к мигрантам в различных регионах может различаться даже при сходных экономических условиях и в рамках однородной политической ситуации. Могут значительно различаться размеры групп, демонстрирующих ту или иную степень толерантности по отношению к мигрантам: если в Томской области

половину выборки можно отнести к группе толерантных, то во Владимирском регионе группа толерантных в процентном отношении сопоставима с группой ксенофобов.

2. В Томской области имеет место отчетливое дифференцированное отношение к студентам и трудовым мигрантам; даже в группах тех, кто относится к мигрантам с неприязнью, отношение к мигрантам-студентам в целом положительное.
3. Высказывая гипотезу о причинах различного отношения к мигрантам в разных регионах одной страны, мы можем либо предположить, что в сравниваемых между собой регионах имеются какие-либо неучтенные различия, приводящие к неодинаковому уровню этнической толерантности, либо выдвинуть свое объяснение. Мы полагаем, что среди дифференцирующих уровень межэтнической толерантности факторов на передний план может выступать специфика локального городского социально-культурного контекста — в частности, в городе, позиционируемом как образовательный центр, имеет место очевидно больший уровень толерантности и указанные выше особенности в дифференциации отношения к мигрантам.

БЛАГОДАРНОСТИ

Материалы, использованные в статье, собраны в рамках гранта РФФИ № 17-13-70005-ОГН «Социологический анализ межэтнических отношений в Томской области».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева А. Ю. Основные элементы и структура межличностного доверия / А. Ю. Алексеева // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 22-40.
2. Бавин П. С. Социальная география ксенофобии и толерантности / П. С. Бавин // Полис. Политические исследования. 2006. № 6. С. 37-58.
3. Владимирская область в цифрах: краткий статистический сборник. Владимир, 2018. С. 30, 33. URL: <https://gks.ru/folder/210/document/12993> (дата обращения: 10.03.2019).
4. Дробижина Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве / Л. М. Дробижина // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 80-90.
5. Коморникова О. М. Типы толерантного отношения молодежи к мигрантам / О. М. Коморникова // Социологические исследования. 2010. № 8 (316). С. 133-134.

6. Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики / В. С. Малахов. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. 272 с.
7. Мاستикова Н. С. Межэтническая напряженность в России и Европе (по данным ESS на 2012 год) / Н. С. Мастикова // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 1. С. 95-113.
8. Материалы «Левада-Центра» по тегу «мигранты». URL: <http://www.levada.ru/tag/migranty/> (дата обращения: 10.03.2019).
9. Мукомель В. И. Роль государства и общества в продуцировании дискриминаций / В. И. Мукомель // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... / сб. статей; сост. и отв. ред. Екатерина Деминцева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 195-211.
10. Мукомель В. И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества / В. И. Мукомель // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 411-467.
11. Мукомель В. И. Доверие и недоверие в межнациональных отношениях / В. И. Мукомель, С. В. Рыжова // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 37-46.
12. Петросян Д. И. Социологический анализ факторов, способствующих снижению напряженности в сфере межнациональных отношений во Владимирской области: монография / Д. И. Петросян, И. В. Свинцов. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2015. 161 с.
13. Россия в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 125. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rusfig/rus18.pdf (дата обращения: 10.03.2019).
14. Рыжова С. В. Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен / С. В. Рыжова // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 1. С. 72-94. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3920
15. Социальные факторы этнической нетерпимости: итоги междисциплинарного исследования / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Российская акад. наук; под общ. ред. В. В. Степанова и В. А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. 364 с.
16. Статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Томскстат. Томск, 2018. С. 12, 15, 16. URL: <https://tmsk.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%95%D0%B6%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA%202018.pdf> (дата обращения: 10.03.2019).
17. Шнирельман В. А. «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма / В. А. Шнирельман. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Том 2. Ч. 4: О чем говорят социологические опросы? 856 с.
18. Якимова О. А. Ксенофобия в англоязычных социальных исследованиях: от объяснения причин к пониманию динамики / О. А. Якимова // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 44-51.
19. Allport G. The Nature of Prejudice / G. Allport. New York: Doubleday: Garden City, 1954.
20. Barry D. Ethnodoxy, national exceptionalism, and xenophobia: a case study of contemporary Russia / D. Barry // National Identities. 2018. 11 February. DOI: 10.1080/14608944.2018.1431876
21. Blumer H. Race prejudice as a sense of group position / H. Blumer // Pacific Sociological Review. 1958. No 1. Pp. 3-7.
22. Bobo L. Perceptions of racial group competition: extending Blumer's theory of group position to a multiracial social context / L. Bobo, V. L. Hutchings // American Sociological Review. 1996. No 61. Pp. 951-972.
23. Freitag M. The personal foundations of political tolerance towards immigrants / M. Freitag, C. Rapp // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2014. No 41 (3). Pp. 351-373. DOI: 10.1080/1369183X.2014.924847
24. García Faroldi L. Determinants of attitudes towards immigration: testing the influence of interculturalism, group threat theory and national contexts in time of crisis first / L. García Faroldi // International Migrations. April 2017. Vol. 55. Issue 2. Pp. 10-22. DOI: <https://doi.org/10.1111/imig.12261>
25. Herrera Y. M. Pride versus prejudice: ethnicity, national identity, and xenophobia in Russia / Y. M. Herrera, N. M. Butkovich Kraus // Comparative Politics. April 2016. Vol. 48. No 3. Pp. 293-315.

26. Hellwig T. Different groups, different threats: public attitudes towards immigrants / T. Hellwig, A. Sinno // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016. No 43 (3). Pp. 1-20. DOI: 10.1080/1369183X.2016.1202749
27. Hjerm M. National identities, national pride and xenophobia: a comparison of four Western countries / M. Hjerm // *Acta Sociologica*. 1998. Vol. 41. No 4. Pp. 335-347.
28. Iakimova O. Exploring the dynamics of xenophobia in the Nordic countries / O. Iakimova // *Changing Societies & Personalities*. 2018. Vol. 2. Iss. 1. Pp. 17-31.
29. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies* / R. Inglehart. Princeton: Princeton University Press, 1997. 464 p.
30. Janmaat J. G. Diversity and postmaterialism as rival perspectives in accounting for social solidarity: evidence from international surveys / J. G. Janmaat, R. Braun // *International Journal of Comparative Sociology*. 2009. No 50 (1). Pp. 39-68.
31. Janmaat G. Are today's youth more tolerant? Trends in tolerance among young people in Britain / G. Janmaat, A. Keating // *Ethnicities*. 2019. Vol. 19 (1). Pp. 44-65. DOI: 10.1177/1468796817723682
32. O'Rourke K. H. The determinant of individual attitudes toward immigration / K. H. O'Rourke, R. Sinnott // *European Journal of Political Economy*. 2006. No 22. Pp. 838-861.
33. Quillian L. Prejudice as a response to perceived group threat: population composition and anti-immigrant and racial prejudice in Europe / L. Quillian // *American Sociological Review*. 1995. No 60 (4). Pp. 586-611.
34. Roccas S. Social identity complexity / S. Roccas, M. B. Brewer // *Personality and Social Psychology*. 2002. No 6. Pp. 88-106.
35. Turper S. Who is less welcome? The impact of individuating cues on attitudes towards immigrants / S. Turper, S. Iyengar, K. Aarts, M. van Gerven // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2014. No 41 (2). Pp. 239-259. DOI: 10.1080/1369183X.2014.912941
36. Weldon S. A. The institutional context of tolerance for ethnic minorities: a comparative, multilevel analysis of Western Europe / S. A. Weldon // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. No 2. Pp. 331-349. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2006.00187

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-4-17-37

UDC 374.7:316.334.52

Regional features of migrants' treatment (the case of the Tomsk and Vladimir Regions)

Alexandra V. Filkina¹, Tatiana A. Bulatova²

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)
Web of Science RecheacherID: AAB-5217-2020
alexandra.filkina.tspu@gmail.com

² Cand. Sci. (Med.), Associate Professor,
Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)
Web of Science RecheacherID: AAB-1578-2020
bulatowa@mail.ru

Abstract: This article presents a comparative analysis of attitudes toward ethnic migrants in two Russian regions: the Tomsk and Vladimir Regions. Its relevance is associated with a high migration influx of foreign citizens into various Russian regions. According to the UN data (2015), our country is the third in the world in terms of the migrants' influx. Moreover, there is no reliable and comparable sociological information both about the attitude of the local population to them and about the factors that determine it. Against the backdrop of a growing trend of interethnic tension in relations with migrants, the results of such studies acquire important social and political significance. This article relies on the results of representative questionnaires of the population of the Tomsk (in 2014, 563 respondents) and Vladimir Regions (2015, 500) using the general methodology. In the process of research, groups with different levels of tolerance towards migrants were identified in the "host community". Subsequently, different groups of tolerance of the population were compared in these two regions. The findings show that the attitude towards migrants in the regions can vary even under similar economic conditions and within the framework of a uniform political situation. Significant differences were found in the size of groups that showed varying degrees of tolerance towards migrants. While in the Tomsk Region, the half of the sample can be attributed to the group of the tolerant people, in the Vladimir Region, their percentage is equal to the xenophobes'. The structure of attitudes towards migrants presents particular interest: for the Tomsk Region, the difference between educational and labor migrants is more significant. The obtained results actualize the issue of factors differentiating attitudes towards migrants in different regions of one country. Based on the results obtained, the authors propose a hypothesis that the specificity of the local urban social and cultural context can occupy an important place among these factors. Therefore, in Tomsk (an educational center), there is an obviously higher level of tolerance towards migrants. The authors speak for additional studies using qualitative methods to test their hypothesis.

Keywords: ethnic tolerance, factors of xenophobia, attitudes towards migrants, ethnic attitudes measuring.

Citation: Filkina A. V., Bulatova T. A. 2019. "Regional features of migrants' treatment (the case of the Tomsk and Vladimir Regions)". *Siberian Socium*, vol. 3, no 4 (10), pp. 17-37.
DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-4-17-37

Acknowledgements. The materials used in the article were collected within the framework of the Russian Foundation for Basic Research grant No 17-13-70005-OGN “Sociological analysis of interethnic relations in the Tomsk Region”.

REFERENCES

1. Alekseyeva A. Yu. 2009. “The main elements and structure of interpersonal trust”. *Sociological Journal*, no 3, pp. 22-40. [In Russian]
2. Bavin P. S. 2006. “Social geography of xenophobia and tolerance”. *Polis. Political Studies*, no 6, pp. 37-58. [In Russian]
3. RF Federal State Statistic Service. 2018. Vladimir Region in Numbers: A Short Statistical Compendium. Vladimir. Accessed 10 March 2019. <https://gks.ru/folder/210/document/12993>
4. Drobizheva L. M. 2015. “The potential of interethnic harmony: understanding of the concept and social practice in Moscow”. *Sociological Studies*, no 12, pp. 80-90. [In Russian]
5. Komornikova O. M. 2010. “Types of tolerant attitude of young people to migrants”. *Sociological Studies*, no 8 (316), pp. 133-134. [In Russian]
6. Malakhov V. S. 2015. *Integration of Migrants: Concepts and Practices*. Moscow: Fond “Liberalnaya missiya”. [In Russian]
7. Mastikova N. S. 2016. “Interethnic tension in Russia and Europe (according to ESS for 2012)”. *Sociological Journal*, vol. 22, no 1, pp. 95-113. [In Russian]
8. Levada-Center. Materials on the tag “migrants”. Accessed 10 March 2019. <http://www.levada.ru/tag/migranty/>
9. Mukomel V. I. 2013. “The role of the state and society in the production of discrimination”. In: Demintseva E. (ed.). *Racism, Xenophobia, Discrimination. How We Saw Them...*, pp. 195-211. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. [In Russian]
10. Mukomel V. I. 2016. “Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to assessing the effectiveness and the role of the host society”. In: Gorshkov M. K. (ed.). *Reforming Russia: A Yearbook*. Vol. 14, pp. 411-467. Moscow: Novyy khronograf; Institut sotsiologii RAN. [In Russian]
11. Mukomel V. I., Ryzhova S. V. 2017. “Trust and distrust in interethnic relations”. *Sociological Studies*, no 1, pp. 37-46. [In Russian]
12. Petrosyan D. I., Svintsov I. V. 2015. *Sociological Analysis of Factors Contributing to the Reduction of Tension in the Field of Interethnic Relations in the Vladimir Region*. Vladimir: Vladimirskiy filial RANKhiGS. [In Russian]
13. RF Federal State Statistic Service. 2018. *Russian in Numbers. 2018: A Short Statistical Compendium*. Accessed 10 March 2019. https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rusfig/rus18.pdf
14. Ryzhova S. V. 2016. “Trust and ethnic tolerance under conditions of social change”. *Sociological Journal*, vol. 22, no 1, pp. 72-94. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3920 [In Russian]
15. Stepanov V. V., Tishkov V. A. (eds.). 2014. *Social Factors of Ethnic Intolerance: The Results of an Interdisciplinary Study*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. [In Russian]
16. Tomsk Statistic Service. 2018: *Statistical Compendium*. Accessed 10 March 2019. <https://tmsk.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%95%D0%B6%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA%202018.pdf>
17. Shnirelman V. A. 2011. “The Threshold of Tolerance”: Ideology and Practice of a New Racism. Vol. 2, part 4. What Do Sociological Polls Talk about? Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. [In Russian]
18. Yakimova O. A. 2017. “Xenophobia in English-language social research: from an explanation of the reasons to an understanding of the dynamics”. *Society and Power*, no 6 (68), pp. 44-51. [In Russian]

19. Allport G. 1954. *The Nature of Prejudice*. Doubleday. Garden City. New York.
20. Barry D. 2018. "Ethnodoxy, national exceptionalism, and xenophobia: a case study of contemporary Russia". *National Identities*, 11 February. DOI: 10.1080/14608944.2018.1431876
21. Blumer H. 1958. "Race prejudice as a sense of group position". *Pacific Sociological Review*, no 1, pp. 3-7.
22. Bobo L., Hutchings V. L. 1996. "Perceptions of racial group competition: extending Blumer's theory of group position to a multiracial social context". *American Sociological Review*, no 61, pp. 951-972.
23. Freitag M., Rapp C. 2014. "The personal foundations of political tolerance towards immigrants". *Journal of Ethnic and Migration Studies*, no 41 (3), pp. 351-373. DOI: 10.1080/1369183X.2014.924847
24. Garcia F. L. 2017. "Determinants of attitudes towards immigration: testing the influence of interculturalism. Group threat theory and national contexts in time of crisis first". *International migrations*, April, vol. 55, no 2, pp. 10-22. DOI: 10.1111/imig.12261
25. Herrera Y. M., Butkovich K. N. M. 2016. "Pride versus prejudice: ethnicity, national identity, and xenophobia in Russia". *Comparative Politics*, April, vol. 48, no 3.
26. Hellwig T., Sinno A. 2016. "Different groups, different threats: public attitudes towards immigrants". *Journal of Ethnic and Migration Studies*, no 43 (3), pp. 1-20. DOI: 10.1080/1369183X.2016.1202749
27. Hjerm M. 1998. "National identities, national pride and xenophobia: a comparison of four western countries". *Acta Sociologica*, vol. 41, no 4, pp. 335-347.
28. Iakimova O. 2018. "Exploring the dynamics of xenophobia in the Nordic countries". *Changing Societies & Personalities*, vol. 2, no 1, pp. 17-31.
29. Inglehart R. 1997. *Modernization and Postmodernization: Cultural. Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press.
30. Janmaat J. G. Braun R. 2009. "Diversity and postmaterialism as rival perspectives in accounting for social solidarity: evidence from international surveys". *International Journal of Comparative Sociology*, no 50 (1), pp. 39-68.
31. Janmaat G., Keating A. 2017. "Are today's youth more tolerant? Trends in tolerance among young people in Britain". *Ethnicities*, vol. 19 (1), pp. 44-65. DOI: 10.1177/1468796817723682
32. O'Rourke K. H., Sinnott R. 2006. "The determinant of individual attitudes toward immigration". *European Journal of Political Economy*, no 22, pp. 838-861.
33. Quillian L. 1995. "Prejudice as a response to perceived group threat: population composition and anti-immigrant and racial prejudice in Europe". *American Sociological Review*, no 60 (4), pp. 586-611.
34. Roccas S., Brewer M. B. 2002. "Social identity complexity". *Personality and Social Psychology*, no 6, pp. 88-106.
35. Turper S., Iyengar S., Aarts K., van Gerven M. 2014. "Who is less welcome? The impact of individuating cues on attitudes towards immigrants". *Journal of Ethnic and Migration Studies*, no 41 (2), pp. 239-259. DOI: 10.1080/1369183X.2014.912941
36. Weldon S. A. 2006. "The institutional context of tolerance for ethnic minorities: a comparative, multilevel analysis of Western Europe". *American Journal of Political Science*, vol. 50, no 2, pp. 331-349. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2006.00187.x